

МОГИЛЕВ БЕЗ ЕВРЕЕВ

В советское время историки, темой исследований которых была Великая Отечественная война, имели возможность заниматься изучением лишь военных аспектов войны (за исключением эвакуационной экономики): операций Советской Армии, деятельности подпольных групп и партизан, карательных органов оккупантов. В последние годы все шире начинают освещаться проблемы Холокоста, полностью замалчиваемые ранее, однако до сих пор белым пятном остается жизнь гражданского населения во время гитлеровской оккупации.

В то время, как продолжались военные действия регулярных армий, развивалось подпольное и партизанское движение. После практически полного уничтожения еврейского населения мирная жизнь в городе не прекратилась, по крайней мере, оккупационные власти стремились создавать такую иллюзию у оставшегося населения. Прежние привычные классовые градации новая власть заменила делением местного населения в соответствии с нацистской идеологией. На верху социальной пирамиды оказались люди, имеющие немецкое происхождение, так называемые «фольксдойч», наиболее рьяные коллаборационисты, входящие в созданные военной администрацией и полностью подчиненные ей административный аппарат и полицию. Их положение было весьма непрочным и зависимым и требовало постоянного доказательства лояльности.

Кроме налаживания, в меру необходимости, экономической жизни — «немецкого порядка», важным моментом для фашистской машины было развертывание на оккупированной территории пропагандистской машины, направленной против порядка «иудо-коммунистического». Нам показалось возможным и интересным представить в нашей книге и этот аспект могилевской жизни, по существу мало связанный с темой могилевского еврейства. Как же жил в совсем недавнем прошлом еврейский Могилев без евреев? Именно этому будет посвящена данная глава.

ИЗ ЖИЗНИ ОККУПИРОВАННОГО МОГИЛЕВА

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

КОВАЛЬКОВА Евгения Васильевича

«Я был пятнадцатилетним подростком, когда в Могилев пришли немцы. Первое впечатление от оккупантов: по улицам ходят чужие солдаты, чувствуют себя хозяевами, шарят по подвалам, убивают палками во дворах кур. Город выглядел удручающе: сожженные дома, едва засыпанные воронки от бомб, остатки разбитой техники и везде запах гари. На уборку улиц выгоняли евреев.

Войдя в город, оккупанты обыскивали дом за домом, выгоняли на улицу мужчин, строили их в колонну и затем под конвоем отправляли в Казимировку и Ермоловичи. Отстающих в пути пристреливали. Продержали трое суток под открытым небом без еды и воды. Отпустили только тогда, когда сопротивление в городе окончательно прекратилось.

На польском кладбище немцы похоронили своих убитых. Вечером мы с друзьями заглянули

туда. Насчитали 115 свежих могил под березовыми крестами. На каждом кресте была каска. Видели мы колонны исхудалых, грязных и оборванных военнопленных. Их гоняли на разные работы по восстановлению дорог, мостов и т. д.

На улицах города появились полицейские с белыми нарукавными повязками. На них химическим карандашом было написано: «Ordnungsdienst» (служба порядка), красовалась гербовая печать с орлом и свастикой. Как-то у кинотеатра «Чырвоная Зорка» я обратил внимание на знакомую личность в мундире с пистолетом на боку и ахнул от удивления. Это был наш бывший секретарь комсомольской организации школы, отличник учебы. Я сделал вид, что мы не знакомы, и отошел в сторону. Он косо посмотрел на меня и отвернулся.

Объявления на домах и заборах за все грозили нам расстрелом. Вывесили приказ о сдаче оружия и боеприпасов. На улицах проверяли документы, а с пяти вечера до восьми утра вводился комендантский час. Для тех, кто уклонялся от работы, немцы практиковали такое наказание: сажали на стул в витрине магазина и на шею вешали табличку с надписью: «Уклонился от работы, решил дома посидеть. Посмотрите на лентяя, ему здесь весело

Фашисты на улице Первомайской возле Богоявленского собора.
Фото 1941—1942 гг.

глядеть!» За витриной стоял полицей с винтовкой и стерег «уклониста».

Со временем в городе возобновилась торговля. Хлеб продавали два магазина: на ул. Первомайской (напротив современного универмага) и на углу Ленинской и Комсомольской улиц. Продавали за советские деньги и по карточкам. Хлеб был низкого качества, с мякиной, темно-коричневого цвета. Был открыт комиссионный магазин на ул. Первомайской, напротив современного главпочтамта. Хозяйственный магазин работал на углу Первомайской и Комсомольского сквера. Торговали довоенным товаром, что не успели разграбить.

Открылся кинотеатр «Чырвоная Зорка». Первый фильм, который показали, назывался «Трукса». Сюжет из жизни цирковых артистов. Помню три австрийских фильма: «По дороге в Прагу» (об Амадее Моцарте), «Индийская гробница» и «Эшнапурский тигр» (из жизни индийских магараджей). Последние два фильма демонстрировались в Могилеве и после войны. При входе в кино рядом с контролером стоял полицей: долговязый кривоногий детина с рыжими волосами в черном мундире.

Работал в городе и театр. Ставились пьесы Островского «Волки и овцы», «Без вины виноватые», «Свадьба Кречинского» Сухово-Кобылина и другие. Публика была разномастная: полицейские, немецкая прислуга из числа бывших военнопленных, городские жители. Актерская труппа прекрасно играла и всегда срывала аплодисменты. Особой любовью у зрителей пользовалась Маргарита Луговая. Ее талант выделялся эмоциональной направленностью, а звонкий чистый голос восхищал своей красотой.

Работала парикмахерская, где две мастерицы стригли и немецких солдат, и наших граждан. На столике в парикмахерской немцы иногда забывали иллюстрированные журналы, где мы видели в черных траурных рамках портреты генералов, погибших на Восточном фронте.

По Первомайской разгуливали раненые немецкие офицеры: кто с рукой на перевязи, кто хромал на ногу и т. п. Госпиталь для них находился в здании нынешнего Белорусско-Российского университета.

В суровую зиму 1941—1942 гг. оккупанты в Могилеве мерзли, как когда-то французы в 1812 году. Мы видели на улице немецких солдат, которые от холода накручивали на голову поверх пилотки женские клетчатые платки с бахромой, а на ноги одевали шитые бурки из старого сукна с бахилами! Иногда в таком виде они заходили к нам в дом и с возгласами «Матка — зимно!» (холодно) бросались к печке.

В конце сентября 1941 г. фашисты согнали могилевских евреев и поселили их в одном месте: по обе стороны реки Дубровенки. Это место стало называться гетто. Через гетто свободно ходили, охраны не было. Я его хорошо помню, т.к. ходил мимо через мостик Дубровенки в город.

В конце сентября 1941 г. фашисты согнали могилевских евреев и поселили их в одном месте: по обе стороны реки Дубровенки. Это место стало называться гетто. Через гетто свободно ходили, охраны не было. Я его хорошо помню, т.к. ходил мимо через мостик Дубровенки в город.

Однажды (это был день 7 ноября 1941 г., я хорошо его запомнил) мама поручила сходить по хозяйским делам в город. Проходя через Дубровенку, я в гетто ничего тревожного не заметил. Люди мирно готовились к зиме, утепляли дома. В городе на Первомайской я встретился со своим школьным товарищем, и часа через два мы вместе с ним возвращались домой. На спуске ул. Виленской нас остановил солдат полевой полиции. Мы жестами объяснили ему, что идем домой, и хотели двигаться дальше. Но последовал грозный окрик, часовой показал нам: возвращаться к театру. Укрывшись от моросившего дождя под балконом столовой № 5, мы гадали: что случилось? Через полчаса вновь подошли к солдату, но получили удар прикладом. Подождав еще какое-то время, мы опять стали просить пропустить нас. На этот раз солдат, грубо выругавшись, махнул рукой — идите. В один миг мы оказались на мосту Дубровенки. Здесь мы невольно стали свидетелями ужасающих сцен, творимых немцами над обитателями гетто. Рядом с нами наблюдали за происходящим три женщины, лица которых были искажены от ужаса.

На правом берегу Дубровенки под моросившим осенним дождем стояла колонна из стариков, детей, подростков: с непокрытыми головами,

без верхней одежды, некоторые без обуви. Люди стояли тихо и покорно, а в пяти шагах от них расхаживал немец из полевой полиции с палкой в руках — ножкой от сломанного стула. Рядом, справа от моста, строили колонну из молодых мужчин. С помощью ударов палки и грубых окриков операция продвигалась энергично и без заминок. Людей выгоняли из домов, вытаскивали из укромных мест и под градом палочных ударов бегом гнали в эту колонну. Из одного дома немец вывел молодого мужчину в приличном пальто и кепи и, позвав к себе полиция, стал о чем-то расспрашивать его, указывая на задержанного. Полицай с рвением преданного слуги подтвердил, что задержанный — еврей и пытался обмануть немца, выдавая себя за белоруса. «Обманщика» тут же вытолкали на середину моста, а полицай и немцы встали в круг и поочередно стали наносить удары палками. Жертва металась от одного мучителя к другому, пока, обливаясь кровью, не свалилась с ног на грязный настил моста. Вызванные из колонны собратья оттащили полуживого в колонну.

Не успела закончиться эта дикая сцена расправы, как мы стали свидетелями другой. По грязи и лужам, крича и плача, бежали две молодые еврейки с растрепанными волосами. Их гнали два подростка с палками в руках. Вероятно, подростки обнаружили спрятавшихся девушек и теперь гнали их в колонну, где стояли женщины и дети. Немецкий офицер, заметив «усердие» подростков, подозвал их к себе, извлек из кабины грузовика флягу со спиртным, отвинтил крышечку, налил в нее из фляги и поочередно угостил напитоком «молодых полицаев». Затем отломал по кусочку от круглой плитки шоколада и протянул им «на закуску». Глазам не верилось, что это происходит наяву.

По окончании облавы несколько грузовиков с брезентовым верхом подъехали к женской колонне. Открылись задние борта, и полицейские ударами палок стали загонять женщин и детей в кузов автомашин. Также поступили со стариками и подростками. Колонну из трудоспособных мужчин погнали вверх по Виленской. Позже мы узнали, что вывезенных на машинах евреев расстреляли в Польшковичах, а колонну мужчин отправили в лагерь «Возрождение» на территории завода (теперь завод «Строммашина»). Немцы, участвовавшие в этой операции, собрались в кучки, закурили и отправились в школу № 4, превращенную в казарму.

Гетто, в котором совсем недавно, как в муравейнике, кипела жизнь, опустело. Все так же несла свои воды к Днепру Дубровенка, невольная свидетельница трагедии, разыгравшейся на ее берегах. А весной на эти места обрушилось страшное наводнение. Стихия разрушила и смысла дома и улицы, впитавшие в себя страдания тысяч людей, неузнаваемо изменила эти места.

Мы знали, что в городе действуют подпольщики. Знали и по листовкам на улицах, и по слухам, что на складе с горючим случился пожар, что кто-то освободил узников из тюрьмы и т. д. На дверях могилевчан немцы развешивали приказы-объявления, запрещающие своим солдатам и офицерам посещать частные дома. О причине этого я узнал после того, как к нам пришел наш знакомый и сказал, что, вскапывая у себя на огороде грядки, он наткнулся на убитого и присыпанного землей немца. На его вопрос «что делать?» мой отец посоветовал: «Присыпь место слоем чернозема и посежь укроп! И никому ни слова». Оккупанты жесточайше карали за убийства своих. Говорили, что осенью 1943 г. партизанка убила в Казимировке немца и труп оставила на дороге. За это были расстреляны 33 человека, в том числе и мой дядя.

Летом 1942 г. в Могилеве появились итальянские солдаты, которые удивили нас оригинальностью своих головных уборов: высокие овальные фетровые шляпы с фазаньим пером. Это были альпийские стрелки. Другие же носили головные уборы, смахивающие на наши шапки-ушанки, только без меха, со львом на кокарде. Один такой солдат по имени Пино собирал вокруг себя мальчишек (был филателистом). Они ему разыскивали советские почтовые марки в обмен на галеты.

Фашисты на улицах Могилева. Кадр из фашистской кинохроники 1941 г. из федерального архива кинодокументов в Берлине

Немецкий солдат на мосту через Днепр.
Фото из фондов МОКМ

Пино выглядел жгучим брюнетом, его южный смуглый внешний вид с напояженной прической очень выделял его среди наших людей, он был приветлив, а широкая улыбка источала доброту и расположение.

Осенью 1943 года, когда свергли Муссолини, а Италия вышла из войны, немцы тут же разоружили итальянцев в Могилеве и отправили их в качестве военнопленных в лагерь на Луполово. Такую колонну итальянцев я видел на Первомайской улице и не мог понять, почему они под ковром немцев идут куда-то.

Большим кошмаром для жителей Могилева обернулась политика «выжженной земли», проводимая оккупантами. Поздней осенью 1943 г. немцы стали сжигать дома и взрывать кирпичные здания, предчувствуя свой конец. Кварталы Мышаковки, Подниколья были сожжены командами поджигателей в форме гитлеровских солдат. Эти факельщики ходили от дома к дому, металлическими ломami выбивали стекла в домах (для лучшей тяги воздуха) и поджигали их один за другим. С высокого берега у городской больницы было хорошо видно море огня и стелющегося дыма над всем городом. Поселок химиков фабрики искусственного волокна, а это были капитальные двух- и трехэтажные дома, немцы взорвали. Здесь они электродрелями сверлили

шпурсы в простенках между окнами и закладывали туда взрывчатку. Были взорваны капитальные жилые дома и служебные здания на аэродроме, церковь в Заднепровье. Деревянные дома на Луполово полыхали морем огня. Жителей этих районов города превратили в нищих беженцев с жалкими котомками в руках и слезами на глазах.

Спустя столько десятилетий не могу спокойно вспоминать об этом кошмаре. Пришел 1944 год. Припоминаю тех 17 военнопленных немцев, которых вел крепкий парень-партизан. Он зашел к нам в дом с просьбой, чтобы моя мама дала им чего-нибудь поесть,

т. к. они отощали и не могут идти дальше. Моя мама собрала в чугунок горсть черных сухарей, побрызгала их водой и поручила мне отнести этим пленным. Они поднялись с земли и грязными худыми руками потянулись в чугунок, беря сухари по кусочку. Двум сухарей не хватило. Остальные с ними поделились. Партизан поднял их и повел дальше. Я тогда подумал о том, какой разительный контраст между самоуверенными, наглыми немцами 1941 года и этими вояками, вызывающими даже жалость» (записано: Брест, 2005 г. Война в моей жизни — судьба... Из фондов МОКМ. — Могилев: УПКП МОУТ им. Спиридона Соболя, 2005. — С. 89—95).

Улицы Могилева после оккупации. Фото августа 1941 г. из фондов
Федерального архива Германии № 101/138/1095/7а

Очередь Mogilevчан в немецкую комендатуру. Фото августа 1941 г. из фондов Федерального архива Германии № 101/138/1084/26

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

БИГДАЙ Веры Даниловны (1931—2002)

«В 1943 г. я была свидетелем расстрела еврейских семей, коммунистов, пленных в поселке Пашково. Немцы, полиция вывозили их к противотанковому рву, обнесенному изгородью из шпал, где-то всего в полукилometре от нашего поселка. Там сейчас стоит памятник. Трупы расстрелянных людей убийцы потом сжигали, чтобы освободить место для новых жертв. Мне тогда было лет 12. Когда приезжал «черный ворон», вместе со старшей сестрой мы подползали к котловану. Сестра меня не пускала, боялась, а я вырывалась и убегала. Я думала: «Вдруг кто-то остался в живых?» Мы слышали страшные вопли, плач детей. Особенно запомнился один пронзительный детский крик: «Ой, мамочка, ой, Розочка!» Потом автоматные очереди, и все стихло до следующего приезда «черного ворона». Убитых и раненых сваливали в яму, присыпали землей.

Расстрельная команда уединялась в здании гестапо. Там они напивались, а ночью жгли трупы. Трупы жгли, чтобы скрыть сле-

ды преступлений, чтобы скрыть, сколько людей погубили. Это было уже после поражения фашистов под Сталинградом и Москвой. От едкого сизоватого дыма и запаха горелого мяса мы дома просто задыхались. Есть мы тогда не могли.

На расстрел привозили заключенных из концлагеря и гетто. Акции, которым мы с сестрой были свидетелями, начались где-то в сентябре 1943 г. и продолжались месяца два почти каждый день. Знаю, что людей привозили и из Чаус, и из Шклова. Расстрелы были и в начале войны, но тайно, скрытно. Евреям, заключенным концлагеря объявляли, что их

перевозят на другое место. Они надевали лучшую одежду и брали с собой все самое ценное. Здесь их заставляли раздеться. Забирали одежду и обувь. Кожаные голенища от сапог отсылали в Германию. Даже зубы выбивали, чтобы снять золотые коронки.

Там же, в Пашково, 14 октября 1943 г. был сожжен мой отец. В тот день одному партизану удалось спастись. Он был ранен в плечо, потерял сознание и вместе с убитыми был брошен в котлован. Когда трупы начали жечь, мужчина от боли

Mogilevчане. Фото августа 1941 г. из фондов Федерального архива Германии № 101/138/1084/24

пришел в себя. Пьяные гестаповцы его не заметили. Перед расстрелом убитых даже сняли с него одежду и сапоги и оставили в нижнем белье.

Однажды днем мы с сестрой по картофельному полю пробрались к месту расстрелов. Сестра меня удерживала, но я вырвалась и прибежала к яме. Я увидела на земле детскую бутылочку с молоком и соской. Земля еще шевелилась, дышала. Мне показалось, что что-то возле меня так пролетело, «фью». Я подумала, что это душа отца, и упала в обморок. Ко рву не подходила. Рядом с траншеей был военный городок. Я зашла в здание солдатской столовой. У меня не было страха за свою жизнь, не понимала тогда, что если бы меня заметили, то обязательно бы убили как свидетельницу. На полу валялось множество серых книжечек. Я не сразу поняла, что это паспорта убитых людей. Тысячи паспортов. Я подняла и посмотрела несколько. В основном мне попадались документы евреев из Шклова. В большой соседней комнате весь пол был устлан отрезанными от новых хромовых сапог колодками, подошвами. Это было жутко. Я остоленела и думала: «Люди ли те, кто сделал это?» И сейчас вспоминаю это с содроганием.

В 60-х годах на суде в последнем слове Райх, немецкий офицер, родом с Поволжья, который допрашивал мою сестру в гестапо, все признал, но просил, чтобы месть не распространялась на его

Проверка оккупационными властями нежилых помещений в районе Подгорной. Фото августа 1941 г. из фондов Федерального архива Германии № 101/138/1091/4

сыновей, чтобы дети не отвечали за его преступления. Но ведь наши дети отвечали! Их убивали, сжигали. Малюсеньких даже не расстреливали, просто штыком прокалывали. Убийцу приговорили к расстрелу».

ЖИЗНЬ ГОРОДА В 1942—1944 гг.

Перед войной в Могилеве было немногим более 100 тыс. человек населения, из них около 30% — евреи. Даже учитывая количество призванных в Красную Армию, участников народного ополчения и актива КП(б)Б, осмелимся утверждать, что значительная часть населения города оказалась в оккупации. Этому есть множество причин: не успели эвакуироваться, т. к. власти, чтобы избежать паники и возникновения «пораженческих настроений», определенное время не разрешали массовую эвакуацию жителей города; пережив времена сталинских репрессий, значительная часть населения видела в гитлеровцах если не освободителей, то и не врагов, поэтому и осталась в городе; другие обстоятельства.

Разрушенная могилевская электростанция
Рис. художника Александра Шкляра из фондов МОКМ

Повешенные подпольщики на бывшей Советской площади.
Фото из фондов МОКМ

После захвата города гитлеровские власти осуществили строгий учет населения. Жители Могилева должны были зарегистрироваться в городском управлении — здании бывшей школы № 3 по ул. Ленинской, 41. Тех, кто уклонялся, ожидал большой штраф либо арест.

В то время как основная масса евреев, оставшихся в городе, была уничтожена осенью 1941 г. — весной 1942 г., нееврейскую часть населения предполагалось использовать как рабочую силу, с перспективой онемечивания либо последующего уничтожения.

Согласно переписи нееврейского населения, в Могилеве на 1 октября 1941 г. проживало 47 048 человек, из них 28 758 женщин и 18 290 мужчин; 16 785 детей в возрасте до 14 лет; трудоспособных — около 27,5 тыс. (мужчин — около 9 тыс.) По национальности: русских — 28 705, белорусов — 15 707, украинцев — 1085, поляков — 1063, немцев — 82, эстонцев — 13, латышей — 192, литовцев — 72, других — 129 (ГАМО, ф.259, оп.1, д.22, л.207).

Все трудоспособное население города (с 16 лет) обязано было работать. Для тех, кто не смог трудоустроиться на предприятиях, ежедневно организовывались общественные работы.

Во время гитлеровской оккупации были пущены следующие предприятия: завод газированной воды, пивоваренный завод, железная дорога, труболитейный завод, шелковая фабрика, кожевенный завод, лесохимзавод, авторемонтный завод, кирпично-кровельный завод «Днепр», мебельная фабрика, костеклеевой завод, пять кирпичных заводов, мясокомбинат, торфозавод, ТЭЦ, городская библиотека (с 1 марта 1942 г.), 8 школ, ремесленное и строительное училища, 7 столовых, 10 частных кафе, 11 парикмахерских, 3 бани, городской театр, городская больница и поликлиника, диспансеры (туберкулезный и венерологический), санстанция, хлебопекарни, аптеки, кинотеатры, клубы и т. д. (ф.260, оп.1, дд.29, 151; ф.263, оп.1, дд.87, 91; ф.271, оп.1, дд.49, 52, 61; ф.272, оп.1, д.47; ф.274, оп.1, д.25; ф.2820, оп.1, д.4).

В связи с тем, что существовала простая система налогообложения (10% от дохода большего за 200 рублей), многие в городе занимались частной торговлей и ремеслом. Так, в 1942 г. было выдано 5 патентов на изготовление и продажу мороженого (ф.271, оп.1, д.52, л.1).

Уровень заработной платы работающих в учреждениях и на предприятиях в 1942—1943 гг. был разным. Руководители получали (ежемесячно в рублях) 800—900 руб., средний персонал (заведующий, мастер) — 500—700 руб., рабочие (слесарь, повар, уборщица) — 200—400 руб. Медицинские работники (в зависимости от квалификации и

Могилевчане на берегу Днепра возле разрушенного моста
Фото августа 1941 г. из фондов Федерального архива Германии
№ 101/138/1095/6а

Один из номеров газеты «Новый путь», издававшейся в Могилеве в период оккупации

стажа) — 300—800 руб., главный врач — 1000 руб., директор школы — 1000—1100, ученики ремесленного училища — 25—40 руб. (еженедельно) и т. д. (ф.260, оп.1, д.29; ф.263, оп.1, дд.88,100; ф.271, оп.1, дд.21, 28; ф.272, оп.1, дд.47, 74; ф.274, оп.1, д.5).

Законодательство «делало вид», что к концу 1941 г. в городе свободных евреев практически не оставалось, так что теоретически они также могли работать. И вне зависимости от выполняемой работы, выплачивать им разрешалось не более 80% от зарплаты чернорабочего. Таким образом, за одну

Отношение гражданского населения к уничтожению евреев обычно стесливо остается за пределами современных исследований, не является исключением и эта книга. Частично данный пробел восполняют отдельные ее фрагменты, в том числе воспоминания могилевчан, но на системность они не претендуют. Интерес представляет взгляд на «решение еврейского вопроса» фашистами известной и неоднозначной фигуры могилевского подполья, одного из его организаторов **К.Ю. Мэтте**:

«В первые месяцы оккупации немцы физически уничтожили всех евреев. Этот факт вызвал много различных рассуждений. Самая реакционная часть населения, сравнительно небольшая, полностью оправдывала это зверство и содействовала им в этом. Основная обывательская часть не соглашалась с такой жестокой расправой, но утверждала, что евреи сами виноваты в том, что их все ненавидят, однако было бы достаточно их ограничить экономически и политически, а расстрелять только некоторых, занимавших ответственные должности. Остальная часть населения, советски настроенная, сочувствовала и помогала евреям во многом, но очень возмущалась пассивностью евреев, так как они отдавали себя на убой, не сделав ни одной, хотя бы стихийной попытки выступления против немцев в городе или массового ухода в партизаны. Кроме того, и просоветски настроенные люди отмечали, что очень многие евреи до войны старались устроиться на более доходные и хорошие служебные места (будто рус-

и ту же работу еврей получал бы за час работы 48—64 копейки, а нееврей — 1,35—2,50 рубля (ф.259, оп.1, д.22, лл.482—484).

Для работающих горожан были предусмотрены определенные формы социальной защиты: им выплачивалась помощь в случае болезни по листкам негрудоспособности (больничным), которые выдавались врачами (ф.260, оп.1, д.29; ф.271, оп.1, дд.21, 61).

Большое внимание оккупанты уделяли медико-санитарному состоянию города. Работали городская больница, поликлиника, туберкулезный и венерический диспансеры, дом для бездомных детей, молочная детская кухня, детская больница, городская дезинфекционная станция, две городские аптеки.

13 мая 1943 г. в Могилеве открылось первое в Белоруссии в период оккупации высшее учебное заведение — медицинский институт. В Могилевском областном архиве имеется докладная записка по вопросу его открытия (февраль 1942 г.) на имя доктора Шпехта. В ней отмечены, среди прочих, следующие причины необходимости данного учебного заведения:

Один из плакатов — пример фашистской антиеврейской пропаганды. Из фондов Музея истории Могилева

«...В освобожденных Восточных областях приблизительно 70% врачей были евреями и только 30% были русские...

...2. Организация медицинского факультета в гор. Могилеве будет иметь глубоко политическое значение в атмосфере нынешней освободительной войны от иудо-большевизма.

С другой стороны, это будет важным еще потому, что окончательно подчинит разум молодежи идее освобождения от иудо-большевизма и даст прекрасный выход энергии молодежи, которую в стенах медицинского факультета можно будет воспитать, определенным образом в духе того Великого акта освобождения, который дан нам Велико-Германией» (ф.271, оп.1, д.22, лл.19—20). Набор студентов был осуществлен на 3, 4, 5 курсы. Возглавил институт доктор Степанов. В октябре 1943 г., в связи с началом освобождения Красной Армией районов восточной части Белоруссии от гитлеровцев, началась массовая эвакуация учреждений из Могилева. Медицинский институт был переведен в Новую Вилейку. 10 июня 1944 г. состоялся первый и последний его выпуск — 32 человека. В 1944—1945 гг. институт продолжал свою работу в Германии.

Многочисленные пропагандистские листовки оккупационных властей в большинстве своем были антисемитской направленности

просто русский патриотизм и т.д. Листовки составлялись так, чтобы они привлекали к борьбе и советских патриотов, и просто русских честных людей, любящих свою родину, хотя и не согласных с коммунистами по тем или другим вопросам...

Учитывая настроение населения, невозможно было в агитационной работе открыто и прямо защищать евреев... так как это, безусловно, могло вызвать отрицательное отношение к нашим листовкам даже со стороны наших, советски настроенных людей или людей, близких нам. Приходилось затрагивать этот вопрос косвенно, указывая на зверскую ненависть фашизма к другим нациям и стремление к уничтожению этих наций, на натравливание фашистами одной нации на другую, на то, что под лозунгом борьбы с евреями и коммунистами хотят уничтожить нашу Родину и т. д.» (Соколов Б.В. Оккупация. Правда и мифы. — М.: АСТ-пресс книга, 2002).

Активно во время оккупации работали сотрудники могилевской санитарной и метеорологической станций.

Любая общественная и культурно-просветительская деятельность без разрешения оккупационных властей запрещалась. Поэтому проявления этих сфер деятельности осуществлялись при полном контроле гитлеровцев. Одной из первых общественных организаций было общество «Красного Креста», созданное в январе 1942 г. Однако вскоре оно изменило название на «Общество потерпевших от войны». С апреля 1943 г. оно начало называться «Общество народной самопомощи в Могилеве» и насчитывало 700 человек (ф.274, оп.1, д.5, лл.10, 11, 29).

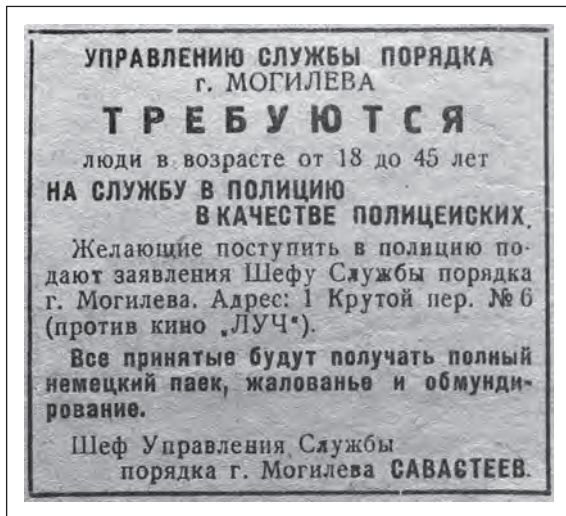
В 1941 г. оккупационные власти дали разрешение на проведение богослужений в ряде христианских храмов, которые были закрыты в 30-е годы. Они происходили в римско-католическом костеле, Борисо-Глебской, Петропавловской, Иоанно-Богословской церквях, Трехсвятительском соборе, в церкви на Успенском кладбище (ф.289, оп.1, д.1).

25 декабря 1941 г. в Могилеве состоялось открытие драматического театра. Только за первые два года своей деятельности театральная труппа из 18 артистов поставила 15 крупных спектаклей и 17 произведений малых форм. Среди первых: «Коварство и любовь», «Гроза», «Бесприданница» и т.д. Театр показывал зрителям 142 спектакля, выезжал на гастроли в Оршу, Чаусы (ф.260, оп.1, д.29). В сентябре 1943 г. в Могилеве начал работу и детский театр.

ские или белорусы не стремились к тому же самому! — Б.С.), установили круговую поруку между собой, часто позволяли нетактичное отношение к русским, запугивая привлечением к ответственности за малейшее выступление против еврея и т. д. «И вот теперь евреи тоже ожидают помощи от русских Иванов, а сами ничего не делают», — говорили они.

Общий же вывод у населения получился таков: как бы немец не рассчитался со всеми так, как с евреями. Это заставило многих призадуматься, внесло недоверие к немцам...

При составлении листовок основным принципом был взят патриотизм народов Советского Союза без подразделения его на советский или

Объявление о наборе в полицию в газете «Новый путь»

В 1942—1943 гг. в Могилеве перед жителями выступали с концертами и постановками (кроме театров) ансамбль народных инструментов, детский хор учеников музыкальной школы, хоры Николаевского собора и Борисо-Глебской церкви, коллектив городской эстрады, духовой оркестр, оркестр службы порядка.

Работали в городе и клубные учреждения в помещениях бывших клубов: промкооперации, городских предприятий, швейников, спортивного дома Красной Армии, партийного клуба. Демонстрировались кинофильмы в кинотеатрах «Зорька» и «Луч».

В 1942—1943 гг. в Могилеве торжественно происходили празднования: 1 мая — праздник труда, 22 июня — день освобождения от большевизма, в школах организовывались «новогодние елки». Несколько тысяч человек было на митинге и общегородских «гуляньях», которые состоялись на Театральной площади 22 июня 1943 г. Однако несмотря на массовость, значительная часть горожан устранилась от участия в мероприятиях. Даже бургомистр Могилева, выступая в июле 1943 г. на собрании работников городского управления, отметил, что 22 июня 1943 г. на демонстрацию явилось только 130 сотрудников из 280 работающих (ф.264, оп.1, д.2).

При анализе учебных планов и программ можно заметить, что в 6—8 классах предусматривался профессиональный уклон, углубленное изучение делопроизводства или коммерции. В программах

всех школ отсутствовал такой предмет, как история. Изучалась тема «Берлин — столица нашей Родины». При изучении произведений русской литературы из всех советских авторов остался только М. Шолохов «Тихий Дон». Из дореволюционных писателей широко представлены все без исключения классики. При изучении белорусской литературы в программе осталось изучение произведений М. Богдановича, Я. Купалы, Ш. Ядвигина, Т. Гартного, К. Буйло и др. (ф.264, оп.1, дд.1, 2).

В Могилеве действовали ремесленное и строительное училища, музыкальная школа (классы пения, игры на рояле). В мае 1942 г. в городе прошла научная конференция врачей, в апреле 1943 г. работали курсы землемеров, в июне — пропагандистов РОА (русской освободительной армии), организовывались ремесленно-кустарные выставки.

Во время оккупации в Могилеве издавались газеты: «Новый путь» (два раза в неделю), еженедельная «Последние известия». В местных газетах печатали свои стихи могилевские поэты.

Отряд местной полиции на улице Могилева.
Фото марта 1943 г. из фондов Федерального архива Германии № 146/2004/256

Разнообразной была программа ежедневного местного радио (публиковалась в печати). Вещание осуществлялось через усилители на улицах города. Так, в программе радио за 28—30 июня 1943 г. значилось: три раза в день известия и новости, музыка, выступления могилевских хоров, доклады на экономическую тему, очерк о Ф. Достоевском, концерты, очерки на антиеврейскую тематику, цикл передач про носителей европейской культуры (Лопе де Вега), передачи для крестьян, детские передачи, передача про художника Нарбута, «театр у микрофона» и т. д. (ГАМО; газета «Новый путь», 28.06.1943 г.).

Советский Союз пытался противопоставить ожесточенной фашистской антиеврейской пропаганде свои методы. Но листовки, написанные казенным, довольно убогим языком, вряд ли могли найти отклик у населения. Фраза из листовки типа этой: «Цельный ряд еврейских товарищей в последнее время получили звание Героев Советского Союза за их огромные заслуги по бесперебойной доставке продуктов в действующую армию», скорее, могли достигнуть обратного эффекта. К сожалению, навязанные фашистской пропагандой стереотипы об участии евреев в военных действиях только в качестве тыловых работников, интендантов да замполитов, оказались живучи.

Таким образом, можно высказать предположение, что во время гитлеровской оккупации в Могилеве существовала определенная социально-экономическая и культурно-просветительская жизнь, но только не для еврейской части населения.

И. Пушкин

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

ЯКУБОВСКОЙ Людмилы Иосифовны
(р. 1931)

«В начале войны наш дом на Ленинской горел, и мы переселились на Мышаковку. Родителей забрали на фронт, и я жила с большой бабушкой-инвалидом. Мы распродали несколько маминих вещей, остались ни с чем и стали голодать. В минуту отчаяния в феврале 1942 г. бабушка затопила печь и закрыла трубу, чтобы мы угорели. Нас

спасли соседи. Тогда бабушка отправила меня пешком в Селец, где жили ее знакомые Лещинские. Они помогли нам и потом привозили нам продукты в базарные дни, когда ездили на рынок. Это нас спасло. Хотя и потом было непросто, порой жили лишь на милостыню, которую подавали бабушке у церкви. Тем, кто работал, было легче, но голодали очень многие.

Я услышала, что в Могилеве открылся детский дом, и пошла, как была, босиком, в коротком платьишке, из которого давно выросла, на прием к городскому голове доктору Фелицину. На вид это был очень симпатичный, респектабельный господин. Он принимал в здании сегодняшнего городского Дома культуры на втором этаже. Фелицин мне дал направление в детский дом, где кормили. Ночевать я приходила к бабушке.

Работала музыкальная школа, и я ходила туда. Там было три педагога: **Полина Григорьевна Петренко**, **Полина Аксентьевна Плещинская**, **Клавдия Александровна Колесникова** и директор — **Ираида Александровна Кореневская**. Я пела в хоре школы, и однажды нас даже пригласили выступить на радио в здании гостиницы «Днепр». Мы пели классику — Моцарта, Мусоргского — и русские народные песни. Девочка постарше между песнями читала стихи о природе. Каждой из нас заплатили по три марки, и мы были очень горды. По городу были установлены «тарелки» радио, и они были всегда включены.

Во время войны в кинотеатре «Родина» — «Зольдатенкино» — показывали фильмы для немецких солдат, которые ходили туда со своими девушками. В «Чырвонай Зорцы» шли замечательные фильмы для горожан на немецком языке, но с титрами: голливудские — «Эшнапурский тигр», «Индийская гробница», немецкие — «Анетте», «Моя подруга Жозефина» — про девушку-модельера. Особенно запомнился мне фильм «Агнесса», про немецкую девушку, которая накануне свадьбы с Георгом попала в больницу с аппендицитом, там она влюбилась во врача, который ее оперировал, вышла за него замуж, у нее родились трое сыновей, потом муж в фашистской форме уходит на фронт, погибает. Подрастают сыновья Агнессы. Показывали, как мальчики играют на пианино и сначала на полу стоят маленькие туфли с носочками и в шортиках, потом туфли побольше и штаны ниже колена и уже взрослые — мужские туфли и брюки. В форме «гитлерюгенда» они уходят на фронт. Вдова Агнесса встречается со своим бывшим женихом Георгом, и они вспоминают прошлое.

Был еще фильм по Фейхтвангеру «Еврезису», потом название изменили на «Жидиус».

Фильмы были красочные, с красивыми актерами, с интересными мелодраматическими сюжетами и хорошим концом. В них была спокойная и благополучная, благопристойная, такая «защищенная» жизнь.

Денег на билеты у нас, детей, конечно, не было. Мы с девочками тихонько проскальзывали за спинами посетителей, в основном выбирали пары посolidнее, и пока билетерша проверяла у них билеты, пробирались в пустую ложу позади последнего ряда и прятались там, пока не погасят свет. В кино и театре всегда были полные залы. Жизнь была очень тяжелая и страшная, людям нужны были зрелища, чтобы хоть ненадолго отвлечься.

Оазисом счастья тогда для меня был театр. Спектакли шли тогда в Городской управе (недавний городской Дом культуры), напротив кабинета Фелицина, а в здании театра размещался офицерский клуб. В театре шла «Гроза» Островского, «Пища» Беляева, «Хозяйка гостиницы» Гольдони. Хозяйку гостиницы играла **Елизавета Михайловна Матисова** — изумительная молодая актриса. **Татьяна Ипполитовна Мусерская** великолепно играла Кабаниху в «Грозе». Она была потомственной дворянкой, дочерью предводителя дворянства, служившего до революции в Городской думе. Играли актеры **Михайлов, Игнатъев**. Накануне прихода Советской Армии все актеры ушли в партизаны. Это их спасло от наказания после освобождения Белоруссии.

Я видела сатирический журнал «Бич» 1943 г. Там был эпиграф — «Бичуй бич», помню страницу с изображением старика с седой бородой и усами

на всю страницу и надписью: «Сказки. Авдей Авдеевич Авдеев», сказка была про «Красную шапочку-демократочку». На другом развороте — «Кровавые тайны Кремля» и карикатура — Берия у Сталина на коленях или наоборот. Была карикатура на Красную Армию — девушки-парашютистки в коротких юбках и с погонями спускаются на землю.

Помню концерт детей из детского дома в кинотеатре «Чырвоная Зорка». Девочки и мальчики танцевали, пели, читали стихи. У них были нарядные костюмы, сделанные из бумаги.

Представить атмосферу оккупированного города могут помочь несколько эпизодов из моей жизни этого периода.

На Первомайской, в витрине магазина (сейчас кафе «Снежинка»), где мы получали хлеб по карточкам, я как-то видела двух молодых людей с табличками на шее: «Отказался от работы, решил дома посидеть, посмотрите на лентяя...» Их руки были привязаны к стульям. Я мельком взглянула на них, разглядывать было неловко. Прохожие старались не смотреть на витрину, все проходили мимо — если немцы посадили парней, то нам вовсе незачем было осуждать этих ребят.

Неподалеку от нас жила польская семья Яковичких с четырьмя детьми. Еще перед войной их отца арестовали, а мать Янину заставили сотрудничать с НКВД. В первые дни оккупации к ней пришли чекисты и приказали вывезти их из города. Женщина, окончившая до революции Смольный институт, прекрасно знала немецкий язык. Она провела энкавэdistов через линию фронта, от туда ее отправили обратно в Могилев, с заданием. Она должна была прийти к Фелицину и сказать ему, что его дочь со своими детьми находится в Новгороде, и если Городской голова откажется сотрудничать с партизанами, его близкие пострадают.

Старший сын ушел в партизаны и там был убит, младшие братья-близнецы погибли во дворе театра в первое же лето войны, подорвавшись на каком-то снаряде. Осталась одна 14-летняя Ирэна.

Вернувшись домой только зимой 1943 г., Янина сразу же пришла к Фелицину и сказала ему все, что ей поручили. Он вежливо и внимательно ее выслушал и попрощался. Как только женщина вернулась домой, ее и дочь сразу же арестовали и отвезли в гестапо. Их долго пытали. Мать умерла, а Ирэна заболела тифом, и ее поместили в подвал. Девочка болела несколько недель, но выкарабкалась. Как-то, когда

На Первомайской улице.

Фото с сайта «Holocaust Education & Archive Research Team»

Фашисты позируют возле разрушенной могилевской ратуши

охранник отошел, она, полуголая, в каком-то полотенце, очень худая и слабая, вышла из подвала и пошла задворками домой. Я случайно встретила ее по дороге и привела к нам. Так война подарила мне сестру.

В 1943 г. вернулась мама, попавшая во время доставки домой раненого бойца на оккупированную территорию.

Однажды мы с Ирэнкой попали в облаву на Быховском рынке. Рынок окружили немецкие солдаты. Через калитку стали выгонять приехавших из деревень молодых парней и девушек. Было страшно. Мы слышали крики, плач задержанных ребят. Кто успел, убежал. Остальных привезли в старое здание гимназии и оттуда всех вывезли.

Прямо перед нами у моста через Дубровенку остановилась красивая большая черная блестящая машина «Опель-кадет». Из машины вышел высокий холеный немец в длинной красивой коричневой шинели тонкого сукна с бобровым воротником, в высокой фуражке, блестящих отполированных сапогах, на носу — блестящее пенсне без оправы. В руках он держал фотоаппарат. Мне было только 13 лет, и отправка в Германию не грозила, но Ирэне уже исполнилось 17. Я вытянула голову и кричу: «Онкель! Сфотографируйте меня!» А немец смотрел не на меня, а на изуродованную болезнью Ирэнку, одетую в какие-то лохмотья, с ежиком только начавших отрастать после тифа волос. «Эта

девочка или мальшик?» Ирэна стала по-немецки объяснять, что она русская немка, наша безработная мать отправила поменять ведро картофельной шелухи на литр молока. Я бегала вокруг, что-то верещала. Немец взял меня за шарфик и подтолкнул коленкой под зад, дескать, «беги, убирайся отсюда вон». Я обрадовалась и припустила бегом вверх в сторону лица, тогда гестапо, а Ирэна — за мной. Мы считали свое спасение чудом. Мама не смогла бы помочь, т. к. была тогда безработной и сама могла быть отправлена в Германию на принудительные работы».

ГРАБЕЖ ЕВРЕЙСКОГО ИМУЩЕСТВА

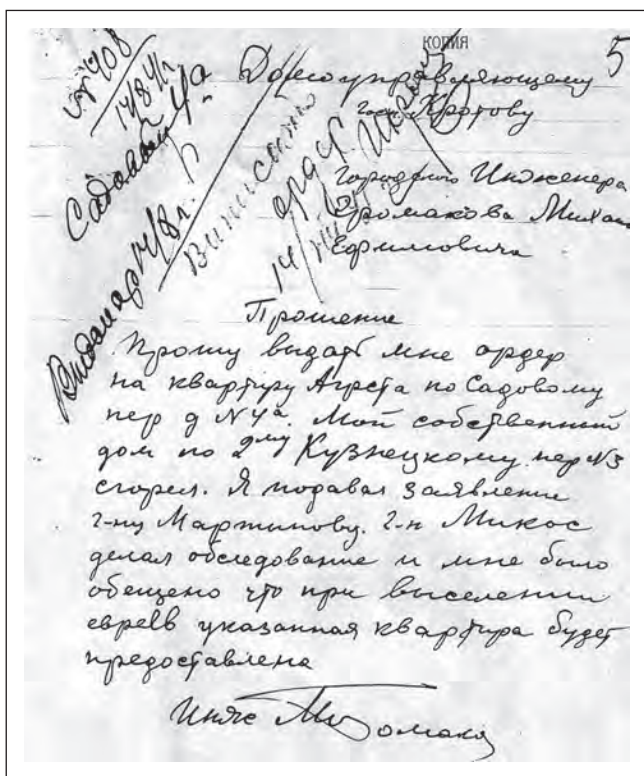
В период фашистской оккупации все имущество евреев отчуждалось целиком и полностью. Дома и квартиры, принадлежащие евреям, выселенным немецким командованием на территорию гетто и выехавшим из города во время войны, со всеми оставшимися там вещами переходили в собственность городского управления.

Уже во время обороны города и эвакуации большая часть опустевшего жилья подверглась разграблению. Взламывать и растаскивать

Вывоз еврейского имущества после уничтожения могилевского гетто.

Фото служащего айнзацкоммандо-8 Герга Френтцеля из Архива службы безопасности бывшей ГДР (Штази) MfS/HA/IX/11/ZUV/9_Bd-32/Seite8/Bild2

Заявление городского инженера **Громакова**, претендующего на квартиру еврея **Агреста**, выселяемого в гетто. ГАМО, ф.270, оп.1, д.9, л.5

имущество квартир, оставленных владельцами, горожане и жители пригородов начали еще до прихода немцев. Чтобы предотвратить разграбление бесхозной собственности, оккупационные власти запретили перевозку мебели по городу без особых разрешений. Для изъятия награбленного у мародеров оккупационные власти издали приказ, по которому «лица, присвоившие себе вещи хозяйственного обихода из общественных и частных домов, казарм и других войсковых помещений, должны сдать присвоенное до 31 октября 1941 г. в «Херес-Унтеркунфтм-Фервальтунг». В противном случае те, у которых в ходе обысков найдут такие вещи, «будут строжайше наказаны вплоть до смертной казни» (ГАМО, ф.9, оп.1, д.156, л.277). Мебель из всех домов, хозяева которых покинули город (в том числе неевреев, уехавших в эвакуацию и призванных на фронт), становилась городской собственностью.

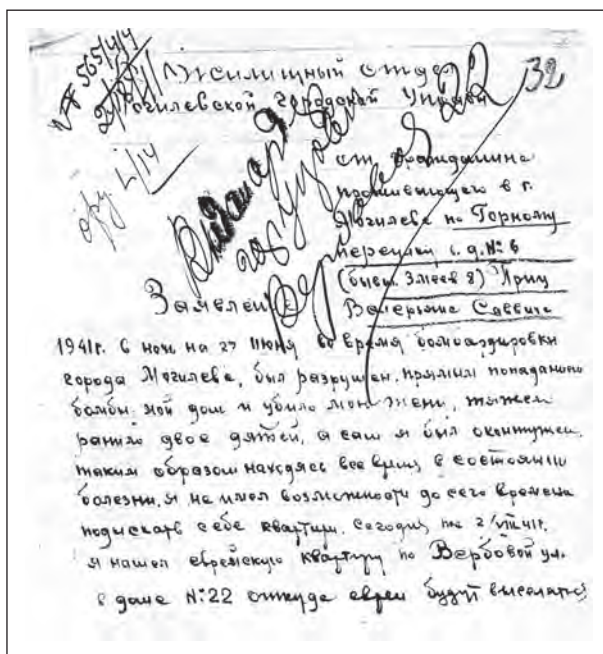
В начале августа, когда ситуация была еще не совсем ясна, а вся «еврейская собственность» еще не была официально объявлена принадлежащей новым властям, городское управление пыталось восстановить порядок в городе и пресечь случаи мародерства, в том числе и в отношении еврейского имущества. Об этом свидетельствуют, в частности, сохранившиеся приказы Фелицина от 7 и 8 августа 1941 г., направленные трем горожанам с требованием немедленно вер-

нуть владельцам-евреям взятых у них корову, домашние вещи, кровать. Причем, распоряжения эти выдавались самим потерпевшим: **Доре Шерман, М.В. Оникул, Е.А. Агресту** из Княжиц (ф. 260, оп.1, д.6, лл.1, 3, 8).

В июле 1941 г. немало домов было разрушено в ходе военных действий, пожаров, бомбардировок. Горожане, чьи дома были непригодны для жилья, переезжали к родственникам и знакомым, занимали пустующее жилье.

Для получения официального разрешения на переселение в чужую квартиру или дом требовалось подать заявление в жилуправление. Такие заявления начали поступать уже в начале июля. Попадают заявления и от евреев. Например, некие **Хаим Пейсахович Пивоваров** и **Соня Симоновна Курчик**, чьи дома на улице Первомайской и по 2-му Краснопольскому переулку сгорели, 13 сентября 1941 г. просят разрешения занять квартиры своих уехавших родственников, где уже фактически проживают. На заявлениях резолюции о том, что квартиры это «жидовские» и «имущество перевезено на Дубровенку» (надо полагать, как и новые жильцы, подавшие прошения) (ф.270, оп.1, д.6, лл.23, 24).

Заявки, поданные неевреями, в большинстве случаев удовлетворялись. Ордера выписывались на свободную жилплощадь, которую пострадавшие сами находили. Если

Заявление в жилотдел **Прица Валерьяна Саввича**, дом которого был разрушен во время бомбежки, который подыскал себе «еврейскую квартиру» на ул. Вербовой. ГАМО, ф.270, оп.1, д.75, л.32

владельцы опустевшего жилья были евреями, то ордер на квартиру выдавали в первую очередь, сразу же после проверки заявления и описи имущества. Поэтому «бездомные» стремились сначала занять дом или квартиру, припрятать все ценное, что там находилось, а потом подавать заявление.

Некоторые оставшиеся без крова обращались в домоуправление с просьбой предоставить им другое жилье, иногда указывая конкретную приглянувшуюся им «еврейскую квартиру», в которой еще жили хозяева. На заявлениях резолюции и о предоставлении жилплощади заявителям сразу же после выселения евреев. Т. е. в некоторых случаях еврейские семьи еще проживали в своих домах, а их земляки уже готовились к переезду в облюбованные ими апартаменты (ф.270, оп.1, д.9, л.5). В домах евреев также временно проживали семьи, выселенные из районов гетто. Позднее на еврейские домовладения претендовали не только не имеющие пригодного жилья, но и просто пользующиеся случаем улучшить свои жилищные условия.

Неофициально еврейские квартиры и имущество могли стать наградой за какие-то заслуги перед фашистами. Например, квартира № 5 еврея **Хаймова** в доме № 56 по Днепровскому проспекту (Первомайская) была передана германским полковником полицейскому Раубишко уже 13 августа. Сохранилась опись всего, что было в квартире, начиная с мебели, кончая носками, калошами и подстаканниками. Правда, отосланный в командировку на борьбу с партизанами полицейский не успел оформить собственность юридически, получил на жилье ордер, и за время его отсутствия 30 августа жилотдел сдал богатую квартиру другому человеку. Полицейский не смог доказать свое право на спорное жилье, т. к. передача ему квартиры хоть и не оспаривалась, но не была закреплена какими-то документами, а выписанный ордер отменять не пожелали, вероятно, чтобы не создавать прецедентов.

Переселяясь в гетто, люди могли взять с собой совсем немного вещей. Как правило, времени для сборов у них не было, и разрешалось забрать не более того, что можно унести в руках, да и разместить

Список
Проданных еврейских домов Могилевским
Горуправлением по состоянию с 1 по 15-е
Апреля 1942 г.

№ п/п	№ дв.	Адрес домовладения	№ дома	№ квартиры	Итого стоимость		Фамилия домовладельца до продажи
					дома	квартиры	
1	42-3	✓ Мещинский пер.	12	1А	12.873		Добрушин и др.
2	343-5	✓ Алаевский воя.	19	1А	7.572		Хейтман Марк
3	352-7	✓ Мещинский пер.	64	1А	5.234		Митинский Марк
4	134-18	✓ Вильямовская ул.	34	1А	11.160		Яковин Виктор
5	309-2	✓ Вильямовская ул.	10	2А	8458	1752	Зулямов Валентин
6	421-	✓ Мещинская ул.	150	1А	7.707	6920	✓ Шинков
7	297-7	✓ Дзержинский пер.	8	1А	11.800		Зеленин Павел
8	54-5	✓ Дзержинский пер.	160	1А	8.505		✓ Коруправление
9	350-	✓ Фредовский пер.	150	1А	7.407		Землинская Анна
10	345-3	✓ Алаевский воя.	12	1А	3460		Зюган Борис
11	334-3	✓ Б-Варшавская ул.	82/1	1А	2.921		Дубинин Моисей
12	330-7	✓ Б-Варшавская ул.	6	1А	2.189		Иванов Марк
13	365-9	✓ Мещинская ул.	88	1А	12.397		Задова Феликс
14	54-2	✓ Фредовский пер.	3	1А	9.019		Мороз Доса
15	343-21	✓ Мещинская ул.	73	1А	14.637		Дубинин Мария

Фрагмент списка еврейских домов, проданных Могилевским горуправлением по состоянию с 1 по 15 апреля 1942 г.
ГАМО, ф.270, оп.1, д.177, л.460б

мебель в тесных комнатах, забитых людьми, было негде. В октябре 1941 г., когда уже шло уничтожение гетто, задним числом было объявлено, что имущество из своих бывших квартир еврейское население имело право вывезти только до 15 сентября, а после этого оно переходило в собственность Городской управы (ф.259, оп.1, д.1, лл.1—3).

Оставшееся в квартирах имущество (в основном, громоздкая мебель, которую труднее спрятать или вынести) описывалось и сдавалось жильцам под расписку на «ответственное хранение». А в сентябре, когда с жильцов стали требовать квартплату за август, оказалось, что и за пользование мебелью бывших владельцев, ставшей собственностью Городской управы, необходимо платить. Довольно высокая арендная плата для многих была непосильной. У тех, кто заплатить не мог, имущество забирали и передавали на склад Могилевского жилотдела при Горуправлении. Бесхозное имущество также свозили на склады.

Со склада, как и прямо из квартир, выдавали в пользование мебель, одежду, хозяйственную утварь, канцелярские принадлежности и пр. В первую очередь эти, в основном еврейские, вещи получали немцы и учреждения: органы городского управления — служба порядка, городская управа и пр., а затем служащие, полицейские и пр. Пострадавшие в ходе военных действий, по решению «Комиссии по оказанию помощи пострадавшим от пожара при Городской управе», также могли получить здесь мебель и одежду бесплатно, но лишь в сентябре — ноябре 1941 г.

Мебель и другие вещи евреев продавались и сдавались в аренду. Горожане, имеющие возможность эту аренду оплачивать, уже в ноябре брали в пользование домашнюю утварь, кровати, столы, диваны, швейные машинки, одежду и т. д. Показательно, что представители новой администрации, полицейские брали в пользование рояли, пианино и другие музыкальные инструменты, престижную мебель и другие атрибуты роскоши. Судя по кассовой книге, квартплата и деньги за арендованные вещи исправно вносились в банк уже с 1 августа 1941 г. (ф.270, оп.1, дд.4, 6, 9, 11, 75, 77 и др.). За обнаруженные скрытые от описи вещи нового владельца привлекали к ответственности (ф.270, оп.1, д.40).

Лишенные имущества евреи в гетто еще имели при себе какие-то вещи, может быть, спрятанные ценности, деньги, как минимум, одежду. Перед расстрелом людей обыскивали, заставляли разде-

ваться, снимали все украшения, выбивали золотые зубы. Всю одежду и отнятые вещи должны были отвозить на склады.

Опустевшая в октябре 1941 г. территория гетто также подвергалась разграблению. Расхищали не только движимое, но и недвижимое имущество: все, что можно было разобрать и унести. Для охраны этого района жилищным отделом (по приказу горуправления от 22 октября) было нанято 20 сторожей (ф.259, оп.1, д.1, лл.155—156). Все должно было быть описано, и в борьбе с расхитителями сторожам давались весьма широкие полномочия. На территории бывшего гетто в районе Дубровенки в ноябре 1941 г. также был создан склад еврейского имущества (ф.270, оп.1, д.3).

Уже 5 ноября Фелицин отдает приказ своим подчиненным срочно представить ему список жилых домов и хозяйственных построек, ранее принадлежащих евреям и «освобожденных впоследствии по причине переселения» (ф. 260, оп.1, д.15, с.119). К 20—21 ноября 1941 г. оценка домов была произведена, и с конца 1941 г. начинается активная продажа «русскому населению» «еврейских домов» в разных районах города. По приказу Фелицина в первую очередь удовлетворялись просьбы о продаже еврейских домов и домов бежавших коммунистов лиц, у которых сгорели собственные дома или выселенных из своих домов по приказу Германского командования, во вторую очередь — тех, у кого дома были реквизированы при Советской власти, в третью очередь — тех,

В Могилевском областном архиве сохранилась часть переписки на немецком языке полевой жандармерии и полевой комендатуры города Пропойска Могилевской области (сейчас — Славгород) за октябрь — ноябрь 1941 г. по поводу дела нескольких местных служащих службы порядка, обвиняемых в присвоении предметов домашнего обихода евреев из Краснополя. Хотя история эта произошла не в Могилеве, она вполне типична и может наглядно характеризовать отношение к собственности евреев и фашистских оккупантов, и «русских» служащих новых органов управления. Расследование в общем-то незначительного эпизода на фоне катаклизмов того времени велось тщательно и досконально. По подробным показаниям участников происшествия и свидетельницы — немки из Краснополя — несложно представить себе картину происшествия.

В помещении госпиталя, где разместилась 8 сентября немецкая комендатура, все предметы обстановки были уже похищены. Бургомистр Пропойска обвинил в хищении евреев, сбежавших из-за войны в Краснополе. 12 сентября трое служащих службы порядка (полицейских) из Пропойска по его заданию на велосипедах отправились в Краснополе с удостоверением комендатуры, чтобы вернуть мебель, якобы украденную евреями в госпитале. Там они забрали 13 кроватей, матрасы, стулья, диван, затем, несмотря на возмущенные крики владельцев, заставили мужчин погрузить все это на три или четыре повозки с лошадьми, чтобы доставить вещи в гарнизонную комендатуру Пропойска. А сами пошли по другим еврейским квартирам, прихватывая то, что понравилось: отрез ткани, кожаную куртку и пр. Попутно полицейский Скорино поменял свои старые сапоги у сапожника-еврея на лучшие, у другого еврея забрал корову.

Спустя 8 дней полицейские решили повторить удачную поездку уже самовольно, без удостоверения комендатуры. На этот раз один из них, по фамилии Бириков, который немного говорил по-немецки, переоделся в немецкую солдатскую форму. Полицейские забрали у евреев Краснополя ящик стекла, трех коров, двух свиней, бочку сала и другие вещи. Стекло и коров они затем сдали в магистрат, остальное, надо полагать, забрали себе.

Для всех участников этого грабежа наказания назначено не было, за исключением Бирикова, выдававшего себя за немца, который, для «предупреждения остальных», был расстрелян (ГАМО, ф.300, оп.1, д.1, лл.2, 4, 6, 7, 9. Перевод с немецкого Дорожкиной Т.Н.).

кто уже занял продаваемые дома, а затем всех прочих (ф.259, оп.1, д.1, с.355). К 1 февраля 1942 г. было продано 47 домов, с 1 по 15 февраля городские власти продали еще 74 дома. К 1 марта было продано 66 домов, за март — 182 дома, за апрель — 190. За май 1942 г. было продано 56 домов и 12 — за июнь (ф. 418с, оп.1, д.1, л.11). Данные о

продаже домов в другие периоды оккупации не сохранились, но, судя по отчетам городского финотдела, торговля шла бойко, и доходная статья бюджета «Средства от продажи еврейских домовладений», регулярно пополнялась и превышала статью «Бюджетные средства» (ф.260, оп.1, д.45, лл. 235, 322, 441, 468, 486).

Естественно, наиболее активно занимались грабежами сами охранники и полицейские. 1 декабря помощник шефа управления службы порядка Семенов издает приказ, в котором под страхом передачи в гестапо приказывает всем подведомственным работникам в течение трех дней сдать все вещи, «незаконно приобретенные» ими «от жидов и коммунистов». Маловероятно, чтобы эта угроза была эффективна (ф.255, оп.1, д.6, л.11).

Помимо тех, кто грабил еврейское имущество, находясь на гражданской немецкой службе и в полиции, были и «предприимчивые» горожане, пытающиеся завладеть чужими ценностями с помощью шантажа, обмана, вымогательства и предательства. На прямой разбой еврейских семей решались немногие, и для присвоения еврейских ценностей жаждавшие наживы изобретали разнообразные способы. Меняли продукты на дорогостоящие вещи; доносили о скрывающихся евреях, детях из смешанных семей, рассчитывая на вознаграждение; находили свидетелей, что принадлежащее соседям-евреям имущество было куплено у них задолго до войны, и т. д.

Вспоминают о преподавателе пединститута, пообещавшем знакомой спасти ее трехлетнего сына в обмен на золото и ценности, выдавшего затем ребенка фашистам; о мужчине по имени Юрок, обещавшем евреям из зажиточных семей переждать вывоз в гетто в своем доме на ул. Подгорной, и затем вывести их в партизаны, и также выдавшего их полиции. Ценности, принесенные беглецами, Юрок оставлял себе и затем распродал долгие годы (по воспоминаниям Ефремовой Е.В., Чашея В.С.).

«...Следствием уничтожения гетто были грабежи еврейского имущества. Пустые еврейские кварталы систематически обыскивались, не столько затем, чтобы найти уцелевших и спрятавшихся евреев, сколько в поисках ценных вещей, пригодной одежды и предметов обихода. Большую часть этой работы должны были исполнять под присмотром немцев специально для этой цели привлеченные белорусы, которые иногда пытались припрятать что-либо и для себя. В области, управляемой военной администрацией, этот организованный грабеж входил в задачи хозяйственных служб, в остальных регионах — областных комиссаров, которые старались организовать все это по возможности строго, чтобы избежать грабежей в чью-либо единоличную пользу и оприходовать ценности в кассу рейха. ...Однако стоимость собираемых ценностей была незначительной, т. к. почти каждый из немецких служащих, причастных к этому делу, грабил и для себя, будь то служащие полиции безопасности, СД, белорусской полиции, солдаты вермахта или сами областные комиссары... Начальнику полиции Курту Далюге, например, перепал ящик с серебряными приборами из могилевского гетто».

Из книги: **Герлах К.** Прочитанные убийства...

Бизнес, основанный на грабеже евреев, не был массовым и не мог стать постоянным источником дохода, слишком быстро евреи города были уничтожены.

Впрочем, все это не значит, что экспроприации подвергалась только еврейская и государственная собственность. На основании распоряжений Германского командования по приказу Городского Головы население обязано было сдавать весь скот, упряжь, инвентарь (приказ от 19.08.1941 г.), все лыжи (приказ от 30.10.1941 г.), велосипеды (приказ от 20.08.1941 г.), автопокрышки, бензиновые бочки и бачки (приказ от 23.06.1942 г.), простыни (приказ от 06.01.1942 г.), шубы и валенки (приказ от 13.01.1942 г.), теплые вещи (приказ от 09.01.1942 г.), бинокли (приказ от 15.01.1942 г.) и др. (ГАМО, ф.255, ф. 260, оп.1, д.15). Под страхом «ответственности и по законам военного времени» могилевчане также должны были сдать все еврейские и революционные патефонные пластинки (приказ от 15. 01.1942 г.) (ГАМО, ф. 255, оп.1, д.12, л.13). За сданное горожанами имущество иногда могла назначаться символическая плата (например, за простыни рассчитывались талонами на питание в столовой и пр.), но если было доказано, что эти вещи принадлежали евреям, то они отчуждались в собственность новых властей бесплатно.

Среди претендентов на оставшееся от евреев имущество оказалась даже городская больница, замглавврача которой, Зданович, обращался 2 октября 1941 г. к властям с просьбой о передаче посевов картофеля на усадьбах евреев: **Глобус, Сандлер, Хайкиных** и пр., расположенных в колхозе «Колос» Гребеневской волости. Мотивируя просьбу тем, что «хозяева-евреи в настоящее время отсутствуют и в настоящее время картофель сельскохозяйственная» (ГАМО, ф.271, оп.1, д.77, с.64).

И. Шендерович

НАВОДНЕНИЕ НА ДУБРОВЕНКЕ

До сих пор старожилы вспоминают разрушительное наводнение 1942 г. на реке Дубровенке. Это и тогда небольшая речушка, а сейчас — просто ручей, даже в период таяния снегов не шире метров трех-четырех. Трудно представить себе, глядя на узкий поток мутноватой воды, настойчиво прокладывающей себе путь через камни, коряги и мусор, что тогда, 10 апреля 1942 г. речушка Дубровенка превратилась в неуправляемую лавину, сметавшую все на своем пути.

Среди могилевчан существует немало версий возникновения наводнения: недосмотр немецких властей, диверсия партизан или подпольщиков, ошибка ремонтников-подрывников.

Архивные документы и свидетельства очевидцев позволяют воссоздать картину трагического события.

Житель Могилева **Владимир Чашей**, в то время служащий отдела городского инженера Могилевского горуправления, старший инженер сантехнической группы (ГАМО, ф.281 с, оп.1, д.7, л.6), лично причастный к событиям, вспоминал:

«В городе Могилеве, под железной дорогой Быховского направления, речка Дубровенка взята в железобетонную трубу большого диаметра (около метра), высота от низа трубы до верха рельса около 20 метров. При отступлении из Могилева в июле 1941 г. эта труба была взорвана. Течение речки прекратилось, железнодорожная насыпь образовала плотину высотой около 20 метров. Вся низина по руслу речки от Пашково, через Печерский лес и район Карабановки осенью и зимой постепенно

стала заполняться водой. Образовалась огромная чаша — пруд, глубина которого с каждым днем все увеличивалась. Весной к этой воде прибавилась еще вода от снеготаяния из окружающей зоны. Угроза разрушения насыпи железнодорожного полотна была очевидной» (Чашей В. Перманентная трагедия. — Могилев, 1999).

Нельзя сказать, что новые городские власти не были осведомлены об угрозе. Горный инженер **И.В. Бурьгин**, из окруженцев, вызволенный из плена могилевской девушкой, признавшей в нем своего мужа (он впоследствии и стал ее мужем), был назначен ответственным по устройству временного водоспуска. В ноябре 1941 г. городской инженер **М.Е. Громаков** пытался спустить накопившиеся под насыпью воды. Временный тоннель освободил затопленные строения, дорогу и насосную станцию Могилевского ж/д узла, но из-за узкого сечения, к тому же, постоянно засоряющегося, не мог пропустить весенние воды (ГАМО, ф.281, оп.1, д.5, лл.41, 44). Сооружение постоянной трубы, рассчитанной на пропуск талых вод, городскому управлению было не по силам: не было ни техники, ни необходимых материалов для строительных работ, ни рабочих. Инженеры пишут об отсутствии необходимых железных ферм или шпал для моста, насосов для откачки воды, рабочих-копщиков, возчиков-грабарей и даже резиновых сапог, которые население растащило с промышленных складов (ф. 281, оп.1, д.5, лл.41—43).

Городской голова Фелицин пытался переложить устройство бетонной трубы и восстановление железнодорожного моста на управление ж/д (ф.260, оп.1, д.14, л.46). Собственно, затянувшиеся

выяснения финансовой и технической ответственности за проведение работ между различными ведомствами, а также согласование технического решения начальником производственно-технического отдела **Забелиным** с руководившим им немецким офицером Вольфсбергом от 15-го Стройотдела и привели к запозданию начала строительных работ.

Пытаясь снять с себя ответственность, инженеры Забелин и Бурьгин еще 4 декабря 1941 г. предупредили в своей докладной записке коменданта города немца ассессора Бес-

Дубровенка в районе Быховского рынка во время наводнения в апреле 1942 г.
Фото из фондов МОКМ

«Весной 1942 года случилось известное наводнение на Дубровенке.

Говорили, что после начала войны ни разу не спустили воду с водохранилища, вот дамбу и прорвало. Я как раз шла в город. Только мы спустились вниз к реке и проходили по мостику на Виленской, как услышали страшный грохот и треск. На нас стеной шла вода. Мы бегом пустились вверх к городу. По реке плыли дома, люди, животные. Запомнилось, что немцы занимались отловом курей, которые тоже убегали от наступающей воды.

Мы видели с вала, как женщина из открытого окна затопленного дома взывала о помощи. Но кто же ей мог чем-то помочь? Много людей погибло и в Герцовой бане на 1-м Крутом переулке.

На следующий день в неизвестно как сохранившемся навильоне на базаре лежало много трупов. Говорили, что так Дубровенка смыла все то страдание, всю кровь, что была пролита в этом районе» (из воспоминаний Белковской Валентины Афанасьевны (р. 1928)).

**Валентина Афанасьевна
Белковская (р. 1928)**

селя о том, что весной может произойти разрушение дамбы и смыв всех строений по р. Дубровенке, и тогда будет причинен колоссальный ущерб железнодорожному и городскому хозяйству. Русские инженеры просили ускорить работы и производить их с помощью военной техники. Окончательное решение должно было принять немецкое командование, однако ответа не было (ф.281, оп.1, д.5, лл.41—43). Только 5 марта прорабу Бурыгину поступило распоряжение продолжать работы по водоспуску по намеченному в феврале плану.

Таким образом, из-за неслаженности действий административных органов бюрократического аппарата оккупационных властей, отсутствия между ними четкого разделения функций время до весеннего половодья было уже упущено.

Немецкий солдат вермахта В. Кюнн, размещавшийся в казармах Могилева как раз в апреле 1942 г., запомнил те дни как какую-то особенно стремительную весну: «Повсюду еще лежали сугробы снега, а асфальт на расчищенных дорогах в центре города под палящими лучами солнца становился мягким и продавливался под сапогами».

В. Чашей вспоминал: «В жаркий апрельский день, в два часа дня плотина была прорвана и разрушена напором колоссального количества скопившейся в огромном пруде воды, насыпь 20-метровой высоты была выхвачена и снесена на всю высоту и ширину в десятки метров, гигантский вал воды нахлынул на город. По улице Дубровенка всплывали с фундаментов деревянные дома вместе с мебелью и людьми, и их несло в Днепр, где в разгаре было половодье и закончился ледоход. Грозный вал воды большой высоты с колоссальной скоростью прокатился по руслу речки Дубровен-

ка, сметая все на своем пути... Были срезаны два каменных моста через Дубровенку, разрушены сети водопровода и электросети, снесены жилые дома по всей улице, на пригорке была затоплена баня с посетителями. Был снесен весь Быховский рынок с прилавками, ларьками, торговцами и покупателями, город оказался без электроэнергии и воды, повисли на большой высоте над зияющим проемом железнодорожной насыпи звенья железнодорожных рельс со шпалами, прекратилось железнодорожное движение в западном направлении» (Чашей В. Перманентная трагедия...).

Судя по воспоминаниям, опасаясь, что половодье повредит железнодорожную насыпь, засорившуюся трубу подорвал небольшой отряд немецких рабочих, которые сами стали первыми жертвами водной стихии.

Гигантский водяной вал хлынул на город. Лавина воды с обломками льда, прорвавшись, неслаась между берегами Дубровенки, унося с собой в Днепр сорванные со своих фундаментов дома со всей улицы вместе с мебелью и людьми, животных, выворачивая деревья с корнями. Наводнение длилось всего минуты, но разрушения и жертвы были огромными.

Позднее Чашей писал, что вал воды катился минут 15, одна из пострадавших при наводнении, чей дом полевой Дубровенке был также снесен водой, указывала, что наводнение продолжалось всего 22 минуты (ф. 306, оп.1, д.11, с.55).

«За несколько дней до наводнения, по радио и в газете объявляли, что будет большая вода, чтобы уходили наверх. Старосты ходили по домам и устно предупреждали о том же. Мы были в полукилометре от Дубровенки и считали, что нас

это не коснется. Где-то неделю вода в реке слегка повышалась. И вот однажды я с детьми побежал посмотреть на реку. Вода поднималась, достигла берегов. Я был около устья Струшны, метрах в 300—500 от моста, когда увидел плывущий дом. Шла громадная вода, а наверху плыл деревянный сарай. Запомнился крик: «Убегайте, убегайте!» Меня схватил какой-то мужик и оттащил, потрясенный, я даже не обратил на него внимания. Высота воды была метра четыре над дорогой. Плыли дома, на крышах, держась за трубу, сидели люди. Плыли громадные льдины, которые ударяли по зданиям. Дома ломались, отрывались куски, люди падали, тонули.

Кто-то пытался спастись на деревьях. Деревья раскачивались, раскачивались, амплитуда увеличивалась, ветви касались воды и, сбросив человека, — выпрямлялись. Было и так, что корни деревьев выбивали льдины и стволы падали вместе со спасавшимися на них.

Первыми были снесены дома, которые стояли ближе к реке. Дома, стоявшие немножко поодаль, держались под напором воды, но льдины тоже их сбивали. Река поднялась к нам на Струшню. Наш дом вода затопила на полтора метра, а от первоначального уровня Дубровенки метра на 3,5. Дом был разрушен.

Все происходило очень быстро. Много людей мылось в бане. Только нескольким удалось выскочить, потом дверь захлопнула вода. Все погибли.

В доме напротив нашего женщина оказалась запертой — напор воды держал дверь. Женщина выбила окно, раму и крикнула «Спасите!» Муж, находившийся напротив, метрах в ста, разделся, чтобы прыгнуть в воду и вытащить ее. Мужчины его не пустили, оттянули, связали: «Вода ледяная, ты погибнешь и ничего не сделаешь». Я видел, как она стоит, высовываясь в окно, а вода все прибывает, прибывает. Она не выдержала переохлаждения, упала.

Когда вода сошла, на другой день утром мы с ребятами прибежали на Дубровенку. Не было ни улицы, ни домов, ни дороги, все смыто. Лежали толстые, больше метра толщиной, льдины. Куски по 3—4 кв. метра площадью. Под некоторыми льдинами лежали придавленные люди. Где-то в корчах лежал мертвый человек. После этого наводнения напуганные люди несколько дней подряд уходили ночевать подальше» (из воспоминаний Данилова Владимира Ивановича (р. 1932)).

«Перед наводнением радио передавало о том, что надо выезжать тем, кто живет в районе Дубровенки, но никто не выехал. В тот день мы специально побежали посмотреть на разлив воды. Мы стояли прямо на железнодорожных путях. Услышали какой-то глухой взрыв, как хлопок, и вдруг весь песок, земля, вся насыпь под рельсами поехала в стороны под напором воды. Рельсы повисли, как канатная дорога. Еще долго железная дорога в этом месте держалась не на насыпи, а на

«Я шел с базара, уже дошел до бани и вдруг услышал непонятный мне шум. С утра я видел около железнодорожного моста, как копал что-то немецкий стройбат. Что происходило, я не знаю, но у меня осталось ощущение женского голоса: «Они воду будут спускать, чтобы мост не повредило». Помню ощущение черноты сверху, как вспышка света, выхватывающая лицо из темноты при фотографировании, как последний луч света при грозе выбеляет землю, когда небо уже становится темным. Говорили, что и немецких саперов снесло, они не ожидали, что так сильно прорвет.

Я побежал вверх по огороду и сначала ощутил, а потом увидел стену высотой с дом, метров 10, она шла очень быстро, прямо подо мной. На реке были деревянные мостики. Они были привязаны канатами к деревьям, росшим по обочине. Видимо, немцы предполагали, что мосты могли быть снесены. Лавина, прорвавшись, неслась между берегами Дубровенки, срезая на своем пути крыши домов, выворачивая деревья. Не плач, не стон, звериный вой стоял над городом. Обезумевшие, беспомощно карабкающиеся на бревна, льдины люди, захлебываясь, обессилив, обрывались, пропадав в пучине. Коряги, клубки сплетенных тел, обломки домашней утвари, перевернутые шкафы неслись в стекловидной громаде, тараня друг друга. В дома вонзались бешеные, метровой толщины, льдины, легко переворачивали крыши вниз. Спасавшиеся на них даже не всплывали. Рев, грохот, злое шипенье, визг животных слились в единый кошмарный гул. На льдине каким-то чудом стояла, покачиваясь, калыска. Я не видел ребеночка тети Нади, но представилось, что это он там лежит. Ее сынок, ее радость, ей надо покормить маленького. Хорошая моя, добрая тетя Надя. А вдруг под льдиной стучится изо всех сил. По-мо-ги-те ей! Ребеночку в горлышко нальется вода, вздуется живот, и он не сможет, мертвый, сосать молочко. Я слышу, он плачет... Нет, это на плывущих воротах свинья по-детски всхлипывает... Немцы бегали по обрыву, стреляли, человеческий крик обрывался, скрежетала сплошная лавина. Из бани никто не выскочил. Одну голую женщину выбросило к трубе, и она как-то зацепилась. Обнаженная, белая, как очищенная, она издавала какой-то нечеловеческий крик. На страшном лице безумно таращились глаза, как стеклянные. По руке под мышку вилась яркая лента крови. И вся она, окровавленная, словно прикрылась прозрачной алой рубашкой. Толпа смотрела сверху в оцепенении. Раздался выстрел.

подпорках. Мы бросились бежать назад. Провал за нами мгновенно разъезжался, вода заполняла образовавшуюся брешь. Мост моментально смыло вместе с четырьмя привязанными канатами вербами, которые росли вдоль него. Выплыл огромный айсберг. Это было страшно. Поплыл мост, с треском поднялся с фундамента и поплыл дом, который стоял рядом. Следом плыли громадные льдины, какие потом я видела только в кино. Мы пошли вниз, на Карбановское озеро, которое опустилось вниз, все покрытое треснувшим льдом. Я заметила, что на фарфоровых изоляторах столбов висели куски льда, т. е. вода поднималась там на высоту столба!

Я понеслась домой. В кинотеатре «Чырвоная Зорка» шел фильм. Кто-то крикнул: «Наводнение!» Началась паника. Все рванули к дверям. Я видела, как они ломались в двери.

Наводнение на Дубровенке
Фото из фондов МОКМ

Я вбежала на свою Буличеву гору (пер. Т. Карпинской за школой № 1). Бабушка сидела на лежанке, а до половины лежанки доходил сырой след и пол был весь мокрый. На огороде за окном лежала льдина метра три высотой, которая таяла все лето, и мы ничего не могли посадить во влажную землю.

Она подпрыгнула, будто хотела вскочить на трубу, и — опрокинулась в пучину...

Когда вода стала спадать, в толпе зашевелились, пошли пересуды.

— Ай, сколько наших из-за них полегло. Наслали жида погибель. У нас жила Мера пархатая, все каркала: «Это вам даром не пройдет, будет еще икать! Наша кровь вашей омоется!»

— Их не тронь, они особенные, а наших топить можно? У нас на земле нас же и прокляли.

Женщины, убитые горем, перебивая друг дружку, причитали:

— Кровушки нашей напилась вдоволь. Слава богу, их германец вытравил. Они и Христа нам своего подсунули.

— Сами туда и других за собой тянут.

— Да заткнитесь вы, кто вас тянет!

— Тянут, тянут, а что, им плохо было с нами жить? Я им огород помогала копать, ихним детям молоко носила, за что такие проклятия?!

— Мы всю жизнь нищие, а они в бостонах. Хлебоборов за Урал согнали, деревни повымерли, одни Кагановичи остались. Загубили земелечку бесово племя. Слава богу, германец сгреб с нашей шкуры паразитов поганых.

— Это подумать жуть, сколько людей с базара в Днепр снесло. Может, всплывут где?

Потрясенные бабы кипят, тычут руками. Я отчетливо слышу: «Сами туда и нас за собой»... У кромок воды извиваются водоросли. Они, как волосы длинные, маминьы. Такие и у Фирки были, и у Генички. Только под водой позеленели. Из-за волос не видно их лиц. Но они там вместе с Дорой, тетей Надей и ее ребеночком. И мой папа глаза от воды зажмурил. К ним приблизились ладные девки вместе со старухой. Это мои родные к себе их потянули. А еще дядей Гриши, Матвеев, Степанов, Аннушек, Соф, и полицаев, и ту голую женщину в кровавой рубашке, деревья, деревни, дома и базары.. Все переплетается, заматывается в огромный ком, больше земли, тысячи рук тянут, тянут все за собой...» (Симоновский Л.М. Слышишь? Слышу... — С.-Петербург: Издательство журнала «Нева», 2004)

Рядом с Дубровенкой в высоком трехэтажном доме жила моя знакомая тетя Тася. Когда пошла вода, она с дочерьми поднялась на чердак, а потом решила спуститься вниз за папиросами. Вода нахлынула и тут же спала. Вода поднялась до самого верха высокого 3-метрового потолка, и женщина захлебнулась. Когда дочери спустились, они увидели, что она стояла на цыпочках на лежанке, держась рукой за вьюшку.

В наводнении погибла моя подружка, ровесница Маня. Она прыгнула в воду за братьями, и ее затянуло под льдину. Я видела, как плыл их дом, из трубы шел дым, а подвыпившие пожилые родители-сапожники выглядывали из окна, пьяно улыбались. Смыло всю Дубровенку. Некоторые дома целиком выносило на лед Днепра, где ледоход еще не начался.

Много обломков льда осталось во дворе завода безалкогольных напитков и в других более высоких местах. Все лето Дубровенка была шире, чем обычно. Раньше дома строили на самом берегу реки, после наводнения их стали ставить подальше от воды» (из воспоминаний Якубовской Людмилы Иосифовны (р. 1931)).

Если людские жертвы никто подсчитывать не брался, то для подсчета материального ущерба Могилевским городским управлением была создана специальная комиссия. Дело в том, что немало домов, разрушенных и поврежденных водой, были «бывшими еврейскими домами», уже проданными «русским» владельцам. При покупке дома у городских властей новый владелец обязан был его застраховать, что большинство покупателей и сделало. Обязательному страхованию подлежали, собственно, все частные дома, но многие домовладельцы не имели денег, чтобы эту страховку оплатить, при покупке же страховые суммы взыскивались обязательно. Теперь эти «законные» хозяева имели право на получение страхового возмещения убытков.

Наводнение разрушило 129 домов, не считая надворных построек. Часть домов не была за-

страхована, менее пригодные для жилья дома пустовали, т. к. их владельцы уехали в эвакуацию или в деревню или же нашли себе жилье получше. Всего 58 потерпевшим домовладельцам, согласно поданным ими заявлениям, финансовый отдел Могилевского городского управления обязан был выплатить страховое возмещение (лишь пяти новым домовладельцам в выплатах было отказано как неоплатившим полностью страховые взносы). Исчисленные убытки оценивались в 1 146 400 руб., в т. ч. за строения, застрахованные и оплаченные страховыми взносами, в сумме всего 267 050 руб. (ф. 276, оп.1, д.40).

Как видно по отчетам Могилевского городского финансового отдела (ф.260, оп.1, д.45), все страховые выплаты за ущерб, компенсируемый городским бюджетом домовладельцам, пострадавшим при наводнении, покрывались страховыми взносами, собранными меньше, чем за месяц. Таким образом, расходы городской казны, связанные с наводнением, возместились достаточно быстро, а человеческие жизни ценились тогда недорого.

Требуется большое воображение, чтобы представить себе то разрушительное наводнение, глядя на Дубровенку в наши дни. Вероятно, именно поэтому мощь и внезапность стихии, потрясшей город много лет назад, породила легенды. Говорят, что в каменной хоральной синагоге, стоявшей на углулевой Дубровенки и Виленской, фашисты хотели открыть публичный дом, но Б-г евреев не позволил им это сделать. От красивого каменного здания с двумя башенками остался только фундамент. Есть и другая легенда. Наводнение буйствовало и уничтожало все на своем пути именно в том месте, где еще несколько месяцев назад страдали обреченные на смерть узники еврейского гетто. Говорили, что речушку Дубровенку, видевшую гибель еврейского гетто, переполнило человеческое страдание, и наводнение стало ответом природы на жестокость людей.

И. Шендерович